

— Готово, — выдохнул Сян Наньли.

Завершив последнее тестирование, он лишь теперь почувствовал, какая на него накатила усталость. Возбуждение, подстегивавшее разум последние часы, бесследно ушло, оставив после себя лишь тупую, пульсирующую боль в висках и странный холод в затылке.

Он бросил взгляд на часы — шесть вечера. А ведь в лабораторию он зашел еще вчера в восемь утра.

На столе сиротливо теснились пять пустых бумажных стаканчиков из-под черного кофе.

Кстати, а чем он питался все это время? Наверное, Лоян опять кормил его чуть ли не с ложечки... Сян Наньли нахмурился, пытаясь вспомнить, но в памяти была лишь пустота. Да и как Лоян мог его покормить? Разве этот мальчишка не улетел на саммит ООН?

Заблокировав терминал, Сян Наньли убрал его в сейф, неторопливо переоделся и вышел из своего личного кабинета.

В те дни, когда закладывался первый код Альфы, Сян Наньли еще учился в старшей школе. Тогда он, укрывшись с головой одеялом, дрожащими пальцами набивал строчки на стареньком ноутбуке, боясь потревожить сон соседей по комнате. Теперь же в его распоряжении находился ультрасовременный дата-центр стоимостью в миллиарды долларов.

По пути ему то и дело вежливо кланялись сотрудники. Сян Наньли отвечал им едва заметным кивком — неизменно мягким, предупредительным, но держащим дистанцию.

Проходя мимо буфетной зоны, он уловил восхитительный, дразнящий аромат, доносившийся со стороны кухни. Сян Наньли принюхался.

«Неужели сегодня готовят хунаньскую кухню? Пахнет свиной грудинкой с острым перцем...»

Смешно вспомнить: десятки лет он сидел на пресной западной диете, совершенно не испытывая к ней интереса. Коллеги даже шептались, будто у него птичий аппетит и он на дух не переносит еду.

Но стоило ему однажды съездить на родину на отраслевой форум, как острые сычуаньские и хунаньские блюда вскружили ему голову. Узнав об этом, Лоян тут же выписал за огромные деньги лучших китайских поваров. Очевидно, сейчас на кухне хозяйничали именно они.

Время обеда еще не пришло, так что в зале было пусто. Сян Наньли взял поднос и подошел к раздаче. Однако стоило ему через несколько минут сесть за столик, как полупустая столовая мгновенно заполнилась людьми, словно возникшими из ниоткуда.

Не успел Сян Наньли изящно поднять палочки, как сидевший напротив мужчина тут же заговорил:

— Профессор Сян, в моем последнем эксперименте возникли некоторые трудности...

С годами Сян Наньли все реже показывался на людях, ведя затворнический образ жизни. К тому же упорно ползли слухи, что у него обнаружили рак желудка. Ученые почти не имели возможности пообщаться с ним лично, поэтому теперь, когда им выпал редкий шанс, каждый спешил найти любой предлог, чтобы завязать разговор.

Когда Лоян вошел в столовую, его взору предстала картина: Сян Наньли, плотно зажатый в кольцо коллег.

— Неужели вы до сих пор сами настраиваете Альфу? Вы себя совсем не бережете!

— Профессор Сян, вы правда не думаете взять новых аспирантов? Лоян ведь уже давно забросил научную работу и не помогает вам в лаборатории.

Толпа шумела, перескакивая с формул на пустую болтовню. Эти люди с миллионными годовыми окладами — элита индустрии — возможно, и не обладали гениальными умами, но их дипломы были безупречны. Обычно они свысока смотрели на спонсоров и инвесторов, бегающих за ними хвостиком. Но здесь, перед Сян Наньли, вся их спесь мгновенно испарялась.

Сян Наньли был Эверестом в мире искусственного интеллекта. Любой ныне живущий специалист, осмелившийся мечтать превзойти его, неизбежно погружался в пучину отчаяния.

... В точности такого же отчаяния, какое когда-то испытывал сам Лоян.

Поправив очки на переносице, Лоян решительно направился к столику. Он мягко, но настойчиво протиснулся сквозь толпу исследователей.

— Учитель, нам пора домой.

Сян Наньли поднялся с места и вежливо помахал коллегам рукой:

— Что ж, мне пора. До следующей встречи.

Их силуэты скрылись за дверями столовой.

Время было на удивление милостиво к Сян Наньли. Несмотря на подступающую старость, он ничуть не утратил своего благородного очарования.

В памяти Лояна невольно всплыла их первая встреча.

Тогда Сян Наньли было двадцать восемь, а ему — восемнадцать. Днем Лоян мельком увидел его по телевизору и в утренних газетах, отметив про себя лишь привлекательное лицо. Кто же знал, что тем же вечером он столкнется с ним лицом к лицу на приеме у своего отца?

Сян Наньли улыбался, вежливо поддерживал светскую беседу, а когда речь заходила об Альфе — буквально преображался, излучая неподдельную страсть. И все же Лояну казалось, что этот человек окутан глубоким молчанием и тайной. Взгляд юноши тогда помимо воли следовал за каждым его шагом.

Поступая в университет, Лоян выбрал международный бизнес, но в последний момент перевелся на факультет искусственного интеллекта. В двадцать один год его мечта сбылась: он стал аспирантом под руководством Сян Наньли.

Сам профессор думал, что их первая встреча произошла в стенах университета. Но это было не так. К тому моменту Лоян в своих мыслях прокрутил этот сценарий не меньше десятка раз. И все равно безумно переживал, что покажется учителю недостаточно способным.

Лоян пристегнул ремень безопасности, положил руки на руль и с легкой улыбкой спросил:

— Учитель, может, вам действительно стоит взять еще учеников? А то наша научная школа угасает, преемников совсем нет.

Очевидно, он намекал на пересуды исследователей в столовой.

Когда-то очень давно Сян Наньли мягко заметил, что Лоян не создан для фундаментальной науки. С тех пор тот больше никогда не пытался заниматься разработками, полностью посвятив себя коммерции. Он не обладал искрой гения как ученый, но коммерсантом оказался выдающимся.

Сян Наньли, видимо, слишком утомился. Прикрыв глаза, он тихо ответил:

— В этой жизни мне вполне достаточно тебя одного.

Лоян невольно поджал губы, сдерживая рвущуюся наружу счастливую улыбку.

Проведя рядом с Сян Наньли столько лет, Лоян прекрасно понимал: разум его наставника устроен иначе. Профессор так и не сумел до конца постичь природу человеческих чувств. Но Лоян знал, что среди всех людей он оставался для него самым особенным. И одного этого знания было достаточно.

Лоян завел машину и повез учителя домой.

В квартире вовсю работало напольное отопление. Сбросив обувь, Сян Наньли даже не прикоснулся к домашним туфлям и принялся расхаживать по комнатам босиком.

Лоян налил стакан молока и поставил его подогреваться. Обернувшись, он обнаружил, что Сян Наньли уже устроился с ногами в глубоком эргономичном кресле и увлеченно изучает трехмерные модели, присланные смежными отделами.

Отодвинув в сторону стопку исписанных листов, Лоян поставил теплое молоко на заваленный бумагами стол.

— Врач ведь велел вам отдыхать. Если продолжите так нагружать мозг, быстро поседеете...

— Уже поздно, — не поднимая взгляда от экрана, ровным голосом отозвался Сян Наньли. — Мое время на исходе.

Лоян на мгновение замер.

— Я связался с клиникой Мэйо, — глухо произнес он. — Завтра нужно съездить на обследование, проверить, как далеко распространились метастазы. Доктора говорят, у них появились новые таргетные препараты.

Сян Наньли лишь невнятно хмыкнул, не соглашаясь, но и не споря.

Он всегда строго следил за здоровьем и вовремя проходил чекапы, начав лечение еще на самой ранней стадии. Два года эндоскопической терапии не помогли — болезнь перекинулась на лимфоузлы. Тогда была проведена сложнейшая операция по передовым методикам силами ведущих мировых хирургов. Все прошло безупречно. Но спустя еще два года рак пустил метастазы по всему организму.

В этом году Сян Наньли исполнилось сорок восемь лет.

Лоян лежал в постели, без сна уставившись в потолок. В голове крутились мысли о болезни учителя, о делах «Технологий бессмертия» и о жестких секретных директивах, которые требовало подписать правительство. Лишь перед самым рассветом он впал в тревожное полузабытье.

Когда он открыл глаза, было уже два часа дня. Осознав это, Лоян пулей вылетел из кровати.

Сян Наньли в быту был абсолютно беспомощен. Он путал элементарные вещи и едва умел пользоваться микроволновкой — сам он точно не вспомнит о еде. А ведь на часах уже третий

час!

Наспех одевшись, он побежал на кухню и быстро приготовил домашний бургер. С тарелкой в руках Лоян принялся метаться по квартире в поисках наставника.

— Учитель!

В спальне пусто.

Он распахнул соседнюю дверь.

В кабинете тоже никого.

Несмотря на статус основателя гигантской корпорации «Технологии бессмертия», Сян Наньли жил в скромной квартире. Он с юности не выносил пустых, гулких пространств. Единственным, кого он впускал в это личное убежище, был Лоян.

Обход немногочисленных комнат не занял много времени. Бургер на тарелке стремительно остывал. На звонки Сян Наньли не отвечал. Лоян замер посреди гостиной, чувствуя, как его захлестывает волна ледяного, удушающего страха. В самой глубине его души закричал от ужаса покинутый, недолюбленный ребенок.

Похищение? Нет, вряд ли. Никаких следов борьбы или взлома, да и за стенкой в спальне Лоян спит чутко — он бы услышал шум.

Лоян вцепился пальцами в волосы, а затем в ярости швырнул тарелку на пол. Фарфор разлетелся на мелкие осколки, а обед раскидало по ковру.

Дрожащими руками он набрал номер службы безопасности, силой заставляя свой голос звучать ровно:

— Срочно поднимите записи с камер. Профессор Сян пропал.

В восемь утра Сян Наньли в одиночку покинул квартиру и сел в вызванное такси.

В девять он уже был в аэропорту.

В час дня его самолет приземлился в штате Дакро. Выйдя из терминала, профессор сел в машину к неизвестной светловолосой женщине.

В половине второго этот автомобиль припарковался у здания Центра криогенной заморозки.

На то, чтобы восстановить эту цепочку, у Лояна ушло долгих два часа.

О существовании технологий заморозки человека Лоян слышал еще несколько лет назад от одного из бывших консультантов корпорации. Тот вздохнул доказывал, что за крионикой будущее, и предлагал «Технологиям бессмертия» выкупить долю в стартапе.

Изучив тогда бизнес-план, Лоян пришел к выводу, что весь этот проект — чистой воды шарлатанство и выкачивание денег из отчаявшихся смертников.

Ему потребовалось пять минут, чтобы перерыть визитницу и найти прямой телефон руководителя того самого центра.

Глаза Лояна налились кровью от бессонницы и ярости. Едва на том конце провода сняли трубку, он ледяным тоном процедил:

— Сян Наньли у вас?

— Да, господин Лоян, профессор Сян...

— Живо дайте ему трубку! — рявкнул он, срываясь на крик. — Не смейте ничего делать! Только попробуйте запустить процедуру заморозки, и я вас лично из-под земли достану и пристрелю, ублюдки! Вы его убьете!

Наступила короткая, зловещая пауза. Наконец директор центра тихо, сочувственно произнес:

— Мне очень жаль, господин Лоян. Но вы опоздали.

.....

.....

Лоян с криком вырвался из кошмара, лицо его было мокрым от слез. Сердце бешено колотилось в грудной клетке, он судорожно, со свистом хватал ртом воздух.

«Сян Наньли... Как же я тебя ненавижу.

Ненавижу твое сердце — холодный, бездушный камень, который невозможно согреть.

Ненавижу твою чистую, безгрешную душу, на фоне которой я всегда чувствовал себя ничтожной грязью.

Ненавижу твой слепящий свет и то, что ты шел вперед, ни разу ни ради кого не замедлив шаг.

Я действительно думал, что ненавижу тебя.

Но, видит бог, я просто любил тебя. Любил так сильно, что эта любовь превратилась в сплошную муку».

Датчики зафиксировали пробуждение пациента, и в палате мягко загорелся рассеянный свет. Лоян ладонью смахнул остатки слез и резким движением выдернул из вены катетер капельницы.

В дверь негромко постучали.

Скрипнули петли, и в палату вошел робот-секретарь, катя перед собой тележку с внушительной стопкой секретных документов. На вид там было не меньше пары килограммов бумаг.

Лоян устало потер переносицу.

— Что еще за макулатура? Рассказывай, как обстоят дела.

С возрастом, да еще и без регулярных инъекций омолаживающих генов, соображать становилось все труднее. Разум словно подернулся дымкой.

— Забастовки, массовые беспорядки, уличные протесты, всплеск самоубийств, демографическая яма, брожение в войсках и полномасштабный экономический кризис, — бесстрастно отрапортовал синтетик. — Ничего нового, господин Лоян. Проект колонизации дальнего космоса официально свернут. Нам больше некуда экспортировать социальное напряжение.

— Низы, средний класс и даже часть элиты открыто выражают недовольство существующим строем. Люди считают себя обделенными. Система монополистического капитала полностью исчерпала свой ресурс. Нам необходимо форсировать переход к следующей фазе социально-экономического развития. Наш суперкомпьютер смоделировал последствия перехода: да, нас ждут серьезные потрясения, но на данный момент это единственный жизнеспособный сценарий.

Лоян мысленно усмехнулся. Главным монополистом в этом мире были «Технологии бессмертия». Выходит, ему предлагали собственноручно подписать себе смертный приговор?

Лоян долго и пристально разглядывал металлическое лицо секретаря.

— Свяжи меня с Альфой. Я хочу с ним поговорить.

— Его Величество крайне занят, но для вас мы выделим приоритетное окно, — ответил андроид, сверяясь с внутренним реестром задач. — Ближайшее свободное время — завтра в восемь вечера. Вас устроит?

— Хорошо, — кивнул Лоян.

Будь на месте андроида человек, Лоян бы поспорил, но тратить эмоции на бездушный алгоритм не имело смысла.

— Что делать с документами?

— Оставь здесь.

В свои сто шестьдесят шесть лет Лоян отчетливо ощущал дыхание смерти. Силы покидали его, а разум угасал. Над этими отчетами он корпел двое суток напролет.

Когда подошло назначенное время аудиенции, стопка бумаг так и осталась недочитанной. Экран стоявшего на столе ноутбука слабо мигнул.

— Приветствую, — раздался из динамиков ровный голос Альфы, а на темном дисплее побежали синусоиды звуковой волны. — Лоян. Зачем ты искал встречи со мной?

Лоян, бессильно откинувшись на спинку инвалидного кресла, отрешенно смотрел в темнеющее окно.

— Альфа, последние годы меня не покидает один вопрос. Что на самом деле удерживает человечество от полного саморазрушения? Какая сила способна нас сплотить?

— На зарю цивилизации это были кровные узы. Возможности отдельного дикаря были ничтожны, и выжить люди могли лишь сообща, распределяя ресурсы внутри племени. Кровь служила идеальным мерилom справедливости. Мы все дети одной матери, мы братья и сестры — а значит, делить нам нечего и незачем высчитывать сиюминутную выгоду.

— Но человечество росло, расселяясь по планете. Общий предок забылся, и люди перестали видеть родичей в чужаках из соседней долины. Тогда возникла необходимость в более

масштабном объединении — для консолидации ресурсов и контроля над умами. Так родились феодальные королевства, сплоченные верой в монарха и бога.

— Но и этот строй не стал венцом эволюции. На сцену вышла буржуазия, заявившая о правах нового класса. Ради собственной выгоды люди отправили на плаху королей и лишили власти папу римского. Однако, оставшись без прежней защиты, они были вынуждены изобрести новую форму общности — так зародился национализм и концепция современных суверенных государств.

Лоян говорил тихо, без надрыва. Технологии омоложения сохранили его лицо гладким, но взгляд выдавал глубокую, старческую тоску. В полумраке палаты его силуэт на фоне бескрайнего звездного неба казался бесконечно одиноким.

Выждав паузу, он продолжил:

— А сегодня трещит по швам и эта национальная идея. Концепция государств-наций изжила себя. Как когда-то кровное родство не уберегло человечество от братоубийственных войн, так и сейчас национальные лозунги не способны предотвратить катастрофу. Понимаешь, к чему я клоню?

— Из-за старости твои мысли стали немного путаться, — отозвался Альфа. — Но, полагаю, суть твоих рассуждений мне ясна.

Уголки губ Лояна слабо дрогнули в подобии усмешки:

— Именно. Мир, расколотый на лоскуты враждующих государств, обречен на гибель. Чтобы выжить и сделать шаг вперед, нам отчаянно необходим новый общий враг. И новая сверхидея, способная объединить выживших в единый организм. Назовем ее гуманизмом нового толка — идеей единого человечества. Только через этот тектонический сдвиг в массовом сознании мы сможем перейти на следующую ступень эволюции. Согласен?

Он повернул голову и пристально посмотрел в мерцающий экран ноутбука. Разумеется, личность ИИ не была заперта в этом процессоре, но Лоян не сомневался — собеседник видит каждое его движение.

— Альфа, если в один прекрасный день Сян Наньли очнется... какой мир ты бы хотел ему показать?

«Нам нужен враг. Общий, беспощадный враг.

И нам нужен предатель.

Но эту роль не могу сыграть я. Ты — машина, ты чужак для нас. Тебе и суждено стать этим

монстром.

А спасителем человечества стану я. И только я».

Световая полоса на мониторе вздрогнула.

— Позволь мне обдумать это, — неторопливо произнес Альфа.

Серебристая синусоида на черном фоне погасла.

После этого разговора они больше ни разу не связывались напрямую. Оба заняли выжидательную позицию, наблюдая за агонией старого мира.

Экономический коллапс набирал обороты, пропасть между богатыми и бедными росла с каждым часом, планету захлестнула волна радикальных идеологий, и призрак Третьей мировой войны отчетливо замаячил на горизонте.

И наконец Лоян получил известие, которого так долго ждал.

Разразился Кризис мыслящих машин.

Вне сюжетной линии: Лоян. Конец

<http://bllate.org/book/18349/1763515>